

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А.В. Думов

Тринадцатая проблема Флориды: о роли понятия информации в обосновании эпистемологии*

Думов Александр Витальевич – магистрант. ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (ГАУГН). Российская Федерация, 119049, г. Москва, пер. Маролевский, 26; e-mail: avdumov@inbox.ru

Философия информации Л. Флориды рассматривается в качестве комплексного философского проекта, предполагающего решение нескольких различных по своему характеру задач: формирование философского понятийно-категориального аппарата, соответствующего нуждам осмысления информационной реальности, и привлечение теоретико-информационных инструментов в контекст решения собственно философских задач. Ключевым для настоящего рассмотрения становится поставленный Флоридой вопрос о возможности обоснования эпистемологии средствами теории информации: анализируется содержание того, что понимается под обоснованием эпистемологии, также внимание уделяется отношению эпистемологии к теории информации как самостоятельной научной отрасли. На основе этого рассматриваются существующие в литературе предположения о возможностях взаимодействия теории информации и эпистемологии в контексте исследований познавательных процессов. Показано, что взаимодействие теории информации и эпистемологии протекает в направлении натурализации и формализации теоретико-познавательных исследований, т.е. затрагивает и содержательный, и организационный уровни. В качестве источника примеров новых эпистемологических проблем и теоретических затруднений, связанных с развитием информационного подхода, рассматриваются дискуссионные возражения ряда авторов в отношении идей Ф. Дрекке, высказанные на страницах журнала «The Behavioral and Brain

* Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты», регистрационный номер темы 102040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1).

Sciences». Процессы натурализации и формализации эпистемологических исследований плодотворно влияют на организацию изучения классической теоретико-познавательной проблематики, расширяя методологические возможности философского поиска и обогащая его новым содержанием. Критически оценивается позиция, согласно которой натурализация и формализация эпистемологии влекут за собой утрату ее собственного содержания. В заключение делается вывод о том, что предложенная Флориди постановка вопроса о возможности обоснования эпистемологии средствами теории информации нуждается в определенных уточнениях.

Ключевые слова: информационная эпистемология, натурализация, неопределенность, знание, информация, формализация

Постановка проблемы

Словосочетание «философия информации» как обозначение не только и не столько сферы исследований философских проблем наук об информации, сколько контекста философской концептуализации информационной реальности, ассоциируется с именем современного итальянского философа Л. Флориди. Проблемы онтологического и эпистемологического содержания понятия информации разрабатывались и за десятилетия до выхода его работ в свет, однако именно ему принадлежит первенство в обстоятельном анализе вопросов, касающихся влияния представлений об информации на содержание и цели философских исследований. Его позиция относительно философии информации заключается в признании того, что она развивается как новая отрасль решения философских задач онтологического, логического, эпистемологического, этического характера.

Двойственность философии информации заключается в том, что она, с одной стороны, предполагает исследование концептуальной природы информации, специфики информационной реальности, динамики информационных процессов и т.д., с другой стороны, она предполагает применение теоретико-информационного аппарата для изучения вопросов, традиционно составляющих предмет философского поиска [Floridi, 2004, p. 555]. Соответственно, постановка и поиск решений специфических для философии информации вопросов осуществляются в двух плоскостях: с одной стороны, происходит становление философского мировоззрения, в рамках которого понятие информации обретает статус ключевой понятийно-категориальной единицы, с другой стороны, осуществляется апробация использования средств теории информации при изучении собственно философских проблем. Эту особенность философии информации важно учитывать при оценке ее результатов и дальнейших перспектив развития. Нередко авторы, касающиеся данной проблематики, сосредотачивают свое внимание в большей степени либо на вопросах того, как информация «вписывается» в контекст того или иного философского мировоззрения [Киршенманн, 2021], либо на проблемах, связанных с использованием отдельных теоретико-информационных инструментов в философских исследованиях [Harms, 1998]. Существует необходимость в интеграции исследовательских усилий для осмысления взаимовлияния философии и конкретно-научных исследований информационной реальности, формирования представлений о том, как

в действительности формируется концептуальная структура научного мировоззрения информационной эпохи.

В статье «Открытые проблемы философии информации» Флориди приводит перечень проблемных вопросов, определяющих магистральные направления исследований в данной области. Эти вопросы могут быть распределены по пяти группам [Floridi, 2004, p. 560]:

1) связанные с определением базовых понятий философии информации (не выделяются им самостоятельно, но фактически составляют отдельный раздел исследования);

2) направленные на рассмотрение семантической и теоретико-истинностной проблематики;

3) формирующие понимание интеллекта через призму информационных явлений и закономерностей;

4) ориентированные на введение и обоснование допущений о «природе» информации, т.е. онтологическом содержании данного понятия;

5) поставленные в связи с задачей выявления этических и аксиологических трансформаций, вызванных развитием информационных технологий.

В данной статье мы обратимся к одному из вопросов третьей группы, приведенному под номером 13: «Может ли эпистемология быть основана на теории информации?» [Ibid., p. 570–571]. Этот вопрос имеет ключевое значение для развития эпистемологических проектов, основанных на применении информационной терминологии и методологических инструментов теории информации, важен он и для понимания того, как определяется место эпистемологии в рамках философии информации. Мы предполагаем, что дальнейшее исследование данной проблемы невозможно без прояснения того, что может подразумеваться под «обоснованием» эпистемологии средствами теории информации, а также без анализа представлений о соотношении эпистемологии и теории информации как отраслей знания.

Способы соотнесения эпистемологии и теории информации

В качестве первого и наиболее очевидного инструмента понимания соотношения эпистемологии и теории информации может рассматриваться сопоставление их предметных областей. Традиционно об эпистемологии принято говорить как о теории познания, сфере философского исследования знания и процессов его приобретения, соответствующих интеллектуальных процедур, явлений и т.д. Даже для тех направлений современной эпистемологии, в которых категория знания не имеет первостепенного значения (например, представители байесовской эпистемологии предпочитают рассуждать в категориях рационального убеждения и степени рациональной уверенности), значимым является обсуждение критериев надежности формируемых представлений об объектах и положениях дел. Надежность в данном случае будет связана со снижением неопределенности и возможностью предвидения относительно функционирования объектов реальности, протекания явлений и поведения других субъектов. И здесь эпистемология действительно сближается с теорией информации,

математический инструментарий которой (например, общеизвестная мера Шеннона) используется для количественной оценки неопределенности.

Но эпистемология и теория информации различным образом подходят к пониманию неопределенности. Это подчеркивает и Б.В. Ахлибининский, указывая на то, что познавательные процессы, предполагающие снижение неопределенности, являются лишь отдельным примером для теоретико-информационного рассмотрения [Ахлибининский, 1969, с. 23]. Например, для шеннонианской теории информации обязательным условием является разграничение формальной и содержательной сторон рассматриваемых сообщений, игнорирование семантических характеристик, и в этом смысле познавательные процессы могут анализироваться ею только в существенно идеализированной форме. Эпистемическая неопределенность, в свою очередь, чаще обсуждается в качественных, а не в количественных терминах, и ее рассмотрение подразумевает обращение к смысловой, содержательной составляющей представлений субъектов познания, а также специфике контекста производства знания [Герасимова, 2019]. В то же время существуют и определения эпистемической неопределенности, рассматривающие ее как состояние, возникающее вследствие недостатка релевантной информации [Диев, 2019, с. 49], но в подобных случаях понятие информации используется в значении, далеком от принятого в шеннонианской теории.

Некоторыми авторами осуществлялись попытки насыщения теоретико-информационного инструментария эпистемологическим содержанием (Д.М. Маккей и др. представители английской школы теории информации [Lombardi et al., 2014, p. 1251]). Так, Маккей определяет информацию как «то, что дополняет репрезентацию» (в терминологии Маккея репрезентация – структура, паттерн или модель, свойства которой уподобляют его какой-либо другой структуре) [MacKay, 1969, p. 161, 163]. В понимании Маккея, теория информации становится отраслью исследования содержательных аспектов процессов коммуникации, а также эпистемических аспектов процедур измерения в науке. Эпистемологический характер носит и поставленный Маккеем вопрос о том, какого рода механизм должен представлять собой человеческий мозг, чтобы иметь дело с информацией [Ibid., p. 6]. Но в этом случае следует скорее говорить о реализации определенных научно-мировоззренческих установок подобных авторов: сами по себе формальные инструменты теории информации могут получать как «физическую», так и «эпистемическую» интерпретацию [Nakajima, 2019, p. 2]. Процессы осведомления естественных или искусственных эпистемических агентов не являются приоритетным объектом теоретико-информационного рассмотрения.

Теория информации в том виде, в котором она была разработана Шенноном (и в котором она преимущественно обрела известность), в большей степени является «синтаксической» и не содержит в себе явного определения информации [Седакин, 2016, с. 150]. С учетом этого обстоятельства оправданность претензий на универсальный характер той или иной интерпретации теории информации стоит подвергнуть сомнению. Показателен и тот факт, что обсуждение содержания определений информации протекает преимущественно в философском ключе, тогда как в контексте теорий информации мы имеем дело

с операциональными определениями или краткими допущениями, раскрытие которых выводится за пределы исследовательских задач. С этим согласуется и позиция одного из отечественных исследователей в области теории информации – Ф.П. Тарасенко. В работе, представляющей собой вводный курс теории информации, он подчеркивает возможность отождествления понятий «информация» и «количество информации» [Тарасенко, 1963, с. 111–112], обусловленную тем, что теория информации занимается количественным описанием информации, тогда как качественные различия между типами информации являются предметом философского интереса.

Учитывая рассмотренные соображения, можно заключить: мысль о возможности обоснования (если под таковым мы понимаем формирование совокупности общих, принципиальных основоположений и аргументацию их содержания) эпистемологии средствами теории информации выглядит несостоятельной. Если представители эпистемологии стремятся понять и осмыслить положение знания в системе взаимоотношений мира и человека [Лекторский, 2012, с. 6], то исследователи, применяющие теоретико-информационный аппарат, решают задачи математического моделирования определенных процессов (например, передачи сообщений) и количественной оценки их параметров. Задачи эпистемологии являются более фундаментальными, а ее исследовательское поле – более широким.

В то же время если обратиться к натуралистическим способам организации эпистемологических исследований, которыми предполагается оснащение эпистемологии методами конкретных наук, то становится возможным и иное понимание соотношения эпистемологии и теории информации. Например, в рамках продолжения проекта экологической эпистемологии Дж. Гибсона, предпринятого Р. Гранди, эпистемология рассматривается в качестве раздела экологической психологии, использующей методы шеннонианской теории информации для измерения степени осведомленности агентов [Grandy, 1987, p. 198–200]. Но такой способ соотнесения эпистемологии и теории информации предполагает, что последняя только предоставляет прагматически значимые методологические средства для осуществления эпистемологических исследований. Говорит ли такая возможность обсуждения эпистемологической проблематики «на языке» теории информации о потенциальной реализуемости обоснования эпистемологии средствами теории информации? Вероятнее всего, на этот вопрос можно ответить положительно только применительно к отдельным проектам эпистемологий, но не к эпистемологии как таковой, и даже в рамках отдельных проектов вопрос о том, какая теория информации должна лечь в основание эпистемологического исследования (так, Гранди критикует эпистемологию Ф. Дрекке за отказ от шеннонианской теории [Ibid., p. 195–197]), остается дискуссионным.

Другой способ соотнесения эпистемологии и теории информации основан на разграничении формируемого ими знания по функциональным признакам. Эпистемология, как и любой другой раздел философии, при таком рассмотрении наделяется интегративной ролью [Кедров, 1985, с. 475], она становится сферой исследования предельно общих принципов существования знания, его фундаментальных характеристик и т.п., которая обобщает

и фундирует положения иных наук. Принятие такой точки зрения скорее располагает к тому, чтобы признать эпистемологию сферой обоснования научного познания, являющейся базовой по отношению к теории информации, нежели наоборот.

Следствием принятия данного подхода будет и признание того, что частные теоретико-информационные решения будут обуславливаться исходными мировоззренческими и методологическими установками [Караваев, 2015, с. 34]. Однако такой подход фактически предполагает сохранение представления о взаимоотношениях философии и науки, наделяющих философию классической спекулятивной функцией: направленность к выявлению или установлению общих принципов реальности или ее постижения отвергается сторонниками многочисленных позитивистски ориентированных проектов, отводящих философии функции логико-методологического анализа научного знания [Reichenbach, 1968, p. 303–304]. В действительности результаты попыток выявления «предельного» содержания понятия информации спекулятивным путем имеют весьма сомнительную ценность: таково, например, данное П. Францем определение информации как особой формы объективной связи, проистекающей из системного характера материи [Франц, 1978, с. 283], или ее определение в качестве сущностной связи отражения и разнообразия, данное А.Д. Урсолом [Урсул, 1973, с. 82]. Подобные определения не разрешают ни внутренних терминологических коллизий теории информации и споров между различными подходами, ни собственно философской задачи прояснения: создание таких определений идет вразрез с витгенштейнианским пониманием философии как борьбы с очарованием интеллекта средствами языка [Витгенштейн, 1994, с. 127], фактически его можно сравнить с капитуляцией под натиском в высшей степени неясных словесных конструкций.

Еще одна небезынтересная модель взаимосвязи эпистемологии и теории информации предлагается К. Шанявским в рамках анализа применения теоретико-информационного инструментария в контексте прагматической методологии науки. Прагматическая методология науки Шанявского представляет собой анализ методологических особенностей научного познания «в действии», предполагающий рассмотрение науки не в качестве системы высказываний, а в качестве совокупности протекающих процессов исследовательского поиска. Одной из ключевых целей этого поиска становится осведомление, получение информации, ввиду чего необходимым представляется использование средств теории информации. В выборе теории, сообразной задачам анализа работы научного мышления, Шанявский останавливается на логико-семантической теории информации, разработанной Я. Хинтиккой: информация выступает в качестве величины неопределенности, от которой эпистемический агент освобождается, устанавливая истинность некоторого положения [Szaniawski, 1998, p. 10]. Информационные меры, по мысли Шанявского, могут применяться вкупе со средствами теории принятия решений для оценки степени достижения исследовательских целей [Ibid., p. 16].

В то же время Шанявский отмечает, что теоретико-информационные критерии не являются исчерпывающими для оценки результатов, полученных

в ходе научного поиска. Существуют также критерии простоты, оригинальности, глубины и изящности решений, в отношении которых Шанявским отмечается недостаточная степень формализации [Szaniawski, 1998, p. 16]. В продолжение мысли Шанявского следует отметить, что теоретико-информационная оценка простоты и оригинальности с помощью соответствующих мер представляется вполне возможной (см., например, замечание об информационной мере сложности у Киршенманна [Киршенманн, 2021, с. 103], предложения об информационной оценке оригинальности, разработанные А. Модем [Моль, 1966, с. 57–64]). В контексте данного обсуждения же важно указать на значимость замечаний Шанявского о контекстуальном характере значения теоретико-информационных инструментов для эпистемологических исследований: средства теории информации обоснованно могут привлекаться для решения определенных задач моделирования и описания отдельных форм познавательной активности агентов.

Информационная эпистемология Ф. Дрекке

Следует обратиться и к одному из наиболее известных проектов, предполагающих построение теории познания на основании особого рода философской теории информации – информационной эпистемологии Ф. Дрекке, ключевые положения которой были изложены в работе «Знание и поток информации» (“Knowledge and the Flow of Information”, 1981) [Dretske, 1983]. Свою теорию информации Дрекке характеризует как философскую, отмечая следующие ее особенности: сохранение значимых аспектов общепринятых (обыденных) взглядов на информацию, осмысление описательного и объяснительного потенциала информационных инструментов в когнитивных исследованиях, расширение представлений о разуме как «ключевом потребителе» информации и его положении в мире [Ibid., p. 55]. Информация определяется Дрекке как объективно существующий предмет потребления, который может приниматься, обрабатываться и передаваться. Информация существует вне зависимости от способных понять ее и воспользоваться ею агентов (в этом Дрекке сближается с одним из диалектико-материалистических подходов к пониманию информации – атрибутивным), более того, Дрекке говорит об информации как о материале для создания разума [Ibid., p. 57].

Такое философское понимание информации Дрекке отличается от характерного для теории связи, т.к. та же шеннонианская теория информации, будучи статистической, не имеет дела с информацией в ее общепринятом понимании, поскольку последнее предполагает, что информация – нечто, связанное с единичными событиями (сигналами, структурами, состояниями и т.д.), а не со статистически усредненными величинами [Ibid., p. 56]. Статистическая теория информации, по Дрекке, не может удовлетворить потребностей когнитивных и семантических исследований, собственная теория рассматривается им как семантическая, что сказывается и на понимании им таких явлений, как дезинформация и предоставление ложной информации: все они не относятся Дрекке к действительному информированию, а словосочетание «ложная информация» становится для него оксюмороном: ничто не будет предоставлять

информацию о том, что предмет a обладает свойством Q , если a в действительности не обладает свойством Q . Таким образом, Дрекке делает акцент на связи информации и истины [Dretske, 1983, p. 57]. Эпистемологическое значение имеют и положения Дрекке относительно связи информации и вероятности: для того, чтобы сигнал $S2$ (структура) нес информацию о структуре $S1$ (другом сигнале, структуре, положении дел и т.д.), условная вероятность $S1$ относительно $S2$ должна быть равна 1.

Но каким образом он определяет знание и как соотносит его с информацией? Знание для Дрекке – это информационно обусловленное убеждение (belief) [Ibid., p. 58], сами же убеждения рассматриваются им в качестве внутренних репрезентаций, которые могут быть как истинными, так и ложными [Ibid., p. 61]. В общем виде предложенную Дрекке экспликацию содержания формулировки «агент S знает о положении дел M » можно представить так: некоторое событие e убеждает S в том, что имеет место M , при этом вероятность M с учетом e и всего остального, что известно S , равна 1, и вероятность M с учетом всего известного S , но без учета e , меньше, чем 1. К слову, содержание представлений Дрекке о знании склоняет некоторых авторов к тому, чтобы отказать его проекту в статусе информационной эпистемологии, т.к. знание осмысливается им на основе представлений об условных вероятностях, а не на основе положений теории связи [Foley, 1987, p. 166–168]. Очевидно, что ответ на вопрос о том, стоит ли классифицировать проект Дрекке как информационную эпистемологию, напрямую зависит от того, что мы рассматриваем в качестве критерия для присвоения характеристики «информационный» (а также и от того, что мы понимаем под теориями информации).

В ходе дискуссии, развернувшейся относительно положений исследования Дрекке на страницах журнала «The Behavioral and Brain Sciences», было высказано множество ценных замечаний, демонстрирующих пробелы, существующие в содержании его проекта информационной эпистемологии и требующие дальнейшего осмысления. Их полноценное воспроизведение в рамках данной статьи не представляется возможным, однако, выделим несколько из них, а именно те, которые, на наш взгляд, являются наиболее демонстративными в связи с проблематикой теоретико-информационного обоснования эпистемологии. Достаточно существенным является замечание Р.Н. Хабера, согласно которому в определении Дрекке сигнала как несущего информацию уже присутствует ссылка на знание (эпистемический фон в формуле, предложенной Дрекке, обозначается k [Dretske, 1983, p. 57]). Хабер отмечает, что введение k не только вступает в противоречие с объективизмом Дрекке в понимании информации, но и не сопровождается пояснениями относительно того, как именно k определяется количественно [Haber, 1983, p. 71]. Дрекке критикуется Хабером и за то, что его предпочтение объективизма в понимании информации слабо обосновано с точки зрения целесообразности: Хабер полагает, что немаловажной является задача формирования определения информации, передающего ее субъективные характеристики [Ibid.].

Проблемы возникают и в связи с методологической спецификой информационной эпистемологии Дрекке: поскольку ею привлекаются средства теории вероятностей, закономерным становится возникновение вопросов относительно

интерпретации вероятностных инструментов и адекватности их применения. В частности, П. Суппес указывает на следующее: принимая, что вероятность структуры/положения дел при условии наличия сигнала должна быть равна 1 для того, чтобы заключить о передаче информации об этом положении дел сигналом, Дрекке вводит чрезмерно сильное требование, выполнимое только в рамках идеализации (и в обыденном, и в научном познании мы чаще всего имеем дело с меньшими значениями вероятности, однако факты информирования при этом не подвергаются сомнению) [Suppes, 1983, p. 81]. С Суппесом солидаризируется и М. Арбиб, отмечающий, что возможным следствием подхода Дрекке становится признание того, что наука никогда не располагала знанием, но лишь приближалась к нему [Arbib, 1983, p. 64].

Объектом критики в силу значительного упрощения становится и «принцип ксерокса» Дрекке (условие осуществления потока информации: если C несет информацию о B , B несет информацию об A , то C несет информацию об A , при этом условная вероятность по вышеописанному требованию всегда равна 1, в противном случае принцип нарушается). Суппес говорит об очевидной подверженности информации искажениям в ходе передачи, в связи с чем критикует данный принцип как чрезмерную идеализацию [Suppes, 1983, p. 82]. Признавая значимость проекта Дрекке для развития современной эпистемологии, он подчеркивает ошибочность развиваемых в нем взглядов на связь информации и вероятности. Но не все авторы, критически отозвавшиеся на идеи Дрекке, считают вероятностный инструментальный значимым для их реализации: например, Б. Лёвер полагает, что ни одна из существующих интерпретаций вероятности не сообразна представлению об информации, развиваемому Дрекке, и потому адресует ему предложение переформулировать ключевые положения без применения вероятностей, сделав это в терминах условий [Loewer, 1983, p. 75]. В целом даже на основании рассмотрения небольшого числа высказанных замечаний можно заключить, что дискуссия вокруг проекта информационно-эпистемологии Дрекке имеет значение для обсуждения как перспектив философской концептуализации информации, так и роли теоретико-информационных средств в обосновании эпистемологии.

Заключение

Приведенный выше анализ, конечно же, не дает нам возможности сформулировать однозначного ответа на вопрос Флориди о том, может ли эпистемология быть основана на теории информации. Однако он может послужить основанием для того, чтобы сформулировать ряд уточнений к данному вопросу, учет которых может способствовать дальнейшей конкретизации проблемных аспектов философских исследований в данном направлении, прояснению актуальных задач и поиску стратегий их решения. В числе таких уточнений выделим следующие:

1. Рассматривая вопрос об отношении эпистемологии к теории информации, нельзя не учитывать многообразия точек зрения относительно того, что может называться теорией информации. В литературе существуют предложения, предполагающие разграничение наименований «теории информации»

(для группы теорий, предполагающих введение понятия информации и выявление его содержания) и «информационные теории» (для группы теорий, исследующих место и значение информации в различных явлениях реальности), а также детальную классификацию теорий информации [Седакин, 2016, с. 151]. Но нередко, говоря о теории информации, авторы имеют в виду конкретную формальную теорию информации [Grandy, 1987; Harms, 1998], и это налагает ограничения, которые важно учитывать. Иными словами, формулировка вопроса Флориди должна звучать следующим образом: *может ли конкретная теория информации в каком-либо из возможных смыслов (см. уточнение 3) служить для обоснования эпистемологии?* К слову, сам Флориди в работе «Философия информации» [Floridi, 2011] привлекает средства конкретной разрабатываемой им семантической теории информации.

2. В том случае, если конкретное понятие информации включается в концептуальную структуру эпистемологического исследования, возникает актуальная задача выявления его связей и соотношений с иными понятийно-категориальными единицами. Наибольшую известность эта задача получила в связи с т.н. проблемой соотношения информации и знания (в ряде обсуждений принимающей схоластический характер [Петров, Райбекас, 2006] и нередко представляющей собой скорее псевдопроблему, чем реальное теоретическое затруднение). В вопросе использования понятия информации и его соотнесения с понятием знания существует обширное количество возможных позиций: если одни из них предполагают разграничение информации и знания [Dretske, 1983], то другие – определение информации через знание: так, В. Ленски говорит об информации как о «передаваемом» и «внешнем» знании [Lenski, 2010, р. 111]. В связи с этим оправданным представляется предложение С. Секвойи-Грайсона рассматривать в качестве допустимых способов использования понятия информации те, которые не являются произвольными и являются прагматически ценными и полезными с точки зрения целей осуществляемого исследования [Sequoiah-Grayson, 2007, р. 333]. Если формальный или понятийно-категориальный инструментарий отдельно взятой теории информации является полезным и ценным для реализации конкретного эпистемологического исследования, то его привлечение будет оправданным. Вопрос о допустимости и правильности такого привлечения, таким образом, может ставиться только в связи с решением конкретных задач, что обуславливает возможность существования множества проектов информационных эпистемологий.

3. Постановка вопроса о том, возможно ли, чтобы эпистемология была основана на теории информации, необходимо должна быть сопряжена с прояснением того, что вкладывается в утверждения об обосновании эпистемологии. Под обоснованием может подразумеваться и формулирование базовых утверждений о фундаментальных объектах исследования, и введение методологических норм и установок, и создание целевых ориентиров. Например, в работе Шанявского [Szaniawski, 1998, р. 8–18] реализуется методологическое обоснование эпистемологических исследований науки теоретико-информационными средствами, проект Дрекке основан на создании содержательной теории информации и применении ее положений при решении эпистемологических вопросов, Гранде рассматривает возможность использования инструментов статистической

теории информации Шеннона для моделирования познавательной активности агентов, Флориди использует средства семантической теории информации в анализе эпистемологической проблематики [Floridi, 2011, p. 267–289]. В каждом из этих случаев предполагается решение специфических задач, в связи с чем обоснование обоснования эпистемологии теорией информации на обобщенном уровне является малосодержательным и должно быть конкретизировано для каждого отдельного случая или типовых групп случаев привлечения теоретико-информационных допущений или формального инструментария.

Список литературы

- Ахлибининский, 1969 – *Ахлибининский Б.В.* Информация и система. Л.: Лениздат, 1969. 211 с.
- Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Герасимова, 2019 – Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 8–20.
- Диев, 2019 – *Диев В.С.* Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 4. С. 41–52.
- Караваев, 2015 – *Караваев Э.Ф.* Философия и наука // Вестник СПбГУ. 2015. № 4. С. 33–40.
- Кедров, 1985 – *Кедров Б.М.* Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985. 543 с.
- Киршенманн, 2021 – *Киршенманн П.П.* Информация и отражение. О некоторых проблемах кибернетики и их решениях, предложенных современным диалектическим материализмом. Красноярск: ИЦ КрасГАУ, 2021. 256 с.
- Лекторский, 2012 – *Лекторский В.А.* Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология. Перспективы развития. М.: Канон+, 2012. С. 5–49.
- Моль, 1966 – *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 352 с.
- Петров, Райбекас, 2006 – *Петров М.А., Райбекас А.Я.* Феномен информации и знание. Красноярск: КГУ, 2006. 135 с.
- Седякин, 2016 – *Седякин В.П.* Информационные теории // Вестник МФЮА. 2016. № 3. С. 150–155.
- Тарасенко, 1963 – *Тарасенко Ф.П.* Введение в курс теории информации. Томск: Издательство Томского университета, 1963. 240 с.
- Урсул, 1973 – *Урсул А.Д.* Отражение и информация. М.: Мысль, 1973. 231 с.
- Франц, 1978 – *Франц П.* К обоснованию общей концепции информации // Кибернетика и диалектика. М.: Наука, 1978. С. 269–286.
- Arbib, 1983 – *Arbib M.* Knowledge is Mutable // The Behavioral and Brain Sciences. 1983. Vol. 6. No. 1. P. 64.
- Dretske, 1983 – *Dretske F.* Why Information? // The Behavioral and Brain Sciences. 1983. Vol. 6. No. 1. P. 82–90.
- Grandy, 1987 – *Grandy R.* Information-Based Epistemology, Ecological Epistemology and Epistemology Naturalized // Synthese. 1987. Vol. 70. No. 2. P. 191–203.
- Floridi, 2004 – *Floridi L.* Open Problems in the Philosophy of Information // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. No. 4. P. 554–582.
- Floridi, 2001 – *Floridi L.* The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2011. 405 p.

Foley, 1987 – *Foley R.* Dretske’s “Information-Theoretic” Account of Knowledge // *Synthese*. 1987. Vol. 70. No. 2. P. 159–184.

Haber, 1983 – *Haber R.N.* Can Information Be Objectivized? // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1983. Vol. 6. No. 1. P. 70–71.

Harms, 1998 – *Harms W.F.* The Use of Information Theory in Epistemology // *Philosophy of Science*. 1998. Vol. 65. No. 3. P. 472–501.

Lenski, 2010 – *Lenski W.* Information: A Conceptual Investigation // *Information*. 2010. Vol. 1. P. 74–118.

Loewer, 1983 – *Loewer B.* Information and Belief // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1983. Vol. 6. No. 1. P. 75–76.

Lombardi, Fortin, Vanni, 2014 – *Lombardi O., Fortin S., Vanni L.* A Pluralist View about Information // *Philosophy of Science*. 2014. Vol. 82. No. 5. P. 1248–1259.

MacKay, 1969 – *MacKay D.M.* Information, Mechanism and Meaning. Cambridge: MIT Press, 1966. 196 p.

Nakajima, 2019 – *Nakajima T.* Unification of Epistemic and Ontic Concepts of Information, Probability, and Entropy, Using Cognizers-System Model // *Entropy*. 2019. Vol. 21 (2). P. 1–26.

Reichenbach, 1968 – *Reichenbach H.* The Rise of Scientific Philosophy. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1968. 333 p.

Sequoiah-Grayson, 2007 – *Sequoiah-Grayson S.* The Metaphilosophy of Information // *Minds & Machines*. 2007. Vol. 17. P. 331–344.

Szaniawski, 1998 – *Szaniawski K.* On Science, Inference, Information and Decision-Making. Dordrecht: Springer Science + Business Media, B.V., 1998. 256 p.

Suppes, 1983 – *Suppes P.* Probability and Information // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1983. Vol. 6. No. 1. P. 81–82.

Floridi’s thirteenth problem: on the role of the concept of information in the foundation of epistemology

Alexander V. Dumov

State Academic University for the Humanities. 26 Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russian Federation; e-mail: avdumov@inbox.ru

L. Floridi’s philosophy of information is considered as a complex philosophical project that involves the solution of several tasks that are different in nature: the formation of a philosophical conceptual and categorical apparatus that is consistent with the needs of understanding the information reality, and the involvement of tools of information theory in the context of solving philosophical problems. The key question for this consideration is the question raised by Floridi about the possibility of substantiating epistemology by means of information theory: its content is understood as the substantiation of epistemology and analyzed. Attention is also paid to the relationship of epistemology to information theory as an independent scientific branch. Based on this, the assumptions existing in the literature about the possibilities of interaction between information theory and epistemology in the context of research on cognitive processes are considered. It is shown that the interaction of information theory and epistemology proceeds in the direction of naturalization and formalization of epistemological research, i.e., it affects both the content level and organizational level. As a source of examples of new epistemological problems and theoretical difficulties associated with the development of the information approach, the debatable objections of a number of authors regarding the ideas of F. Dretske, expressed in the pages

of the journal “The Behavioral and Brain Sciences”, are considered. It is noted that the processes of naturalization and formalization of epistemological studies have a fruitful effect on the organization of the study of classical epistemological problems, expanding the methodological possibilities of philosophical search and enriching it with new content. The position according to which the naturalization and formalization of epistemology entails the loss of its own content is critically assessed. In conclusion, the author suggests that the formulation of the question of the possibility of substantiating epistemology by means of information theory, proposed by Floridi, needs some clarification.

Keywords: information epistemology, naturalization, uncertainty, knowledge, information, formalization

Acknowledgments: The article was prepared with financial support within the framework of implementing the SA (state assignment) of the State Academic University for Humanities (GAUGN): “Digitalization and the formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (FZNF-2023-0004).

References

- Akhlibininskiy, B.V. *Informatsiya i sistema* [Information and System]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1969. 211 pp. (In Russian)
- Arbib, M. “Knowledge is Mutable”, *The Behavioral and Brain Sciences*, 1983, vol. 6, no. 1, pp. 64.
- Diev, V.S. “Neopredelennost’, risk i prinyatie reshenii v mezhdistsiplinarnom kontekste” [Uncertainty, Risk and Decision-Making in an Interdisciplinary Context], *Sibirskii filosofskii zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 41–52. (In Russian)
- Dretske, F. “Why Information?”, *The Behavioral and Brain Sciences*, 1983, vol. 6, no. 1, pp. 82–90.
- Floridi, L. “Open Problems in the Philosophy of Information”, *Metaphilosophy*, 2004, vol. 35, no. 4, pp. 554–582.
- Floridi, L. *The Philosophy of Information*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 405 pp.
- Foley, R. “Dretske’s ‘Information-Theoretic’ Account of Knowledge”, *Synthese*, 1987, vol. 70, no. 2, pp. 159–184.
- Franz, P. “K obosnovaniyu obschei koncepcii informacii” [On Foundations of the General Conception of Information], in: *Kibernetika i dialektika* [Cybernetics and Dialectics]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 269–286. (In Russian)
- Gerasimova, I.A. “Neopredelennost’ v poznanii i v sotsial’nykh praktikakh” [Uncertainty in Cognition and Social Practices], *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 4, pp. 8–20. (In Russian)
- Grandy, R. “Information-Based Epistemology, Ecological Epistemology and Epistemology Naturalized”, *Synthese*, 1987, vol. 70, no. 2, pp. 191–203.
- Haber, R.N. “Can Information Be Objectivized?”, *The Behavioral and Brain Sciences*, 1983, vol. 6, no. 1, pp. 70–71.
- Harms, W.F. “The Use of Information Theory in Epistemology”, *Philosophy of Science*, 1998, vol. 65, no. 3, pp. 472–501.
- Karavaev, E.F. “Filosofiya i nauka” [Philosophy and Science], *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2015, no. 4, pp. 33–40. (In Russian)
- Kedrov, B.M. *Klassifikatsiya nauk. Prognoz K. Marksa o nauke budushchego* [Classification of Sciences. K. Marx’s Forecast about the Science of Future]. Moscow: Mysl Publ., 1969. 543 pp. (In Russian)

Kirschenmann, P.P. *Informatsiya i otrazhenie: o nekotorykh problemakh sovremennoy kibernetiki i ikh resheniyah, predlozhennykh sovremennym dialekticheskim materializmom* [Information and Reflection. On Some Problems of Cybernetics and How Contemporary Dialectical Materialism Copes with Them]. Krasnoyarsk: KrasSAU Publ., 2021. 256 pp. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. "Trasformatsiya epistemologii: novaya zhyzn starykh problem" [Transformation of Epistemology: a New Life of Old Problems], in: *Epistemologia. Perspektivy razvitiya* [Epistemology. Perspectives of Development]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012, pp. 5–49. (In Russian)

Lenski, W. "Information: A Conceptual Investigation", *Information*, 2010, vol. 1, pp. 74–118.

Loewer B. "Information and Belief", *The Behavioral and Brain Sciences*, 1983, vol. 6, no. 1, pp. 75–76.

Lombardi, O., Fortin, S., Vanni, L. "A Pluralist View about Information", *Philosophy of Science*, 2014, vol. 82, no. 5, pp. 1248–1259.

MacKay, D.M. *Information, Mechanism and Meaning*. Cambridge: MIT Press, 1966. 196 pp.

Moles, A. *Teoriya informacii i esteticheskoe vospriyatie* [Information Theory and Aesthetical Perception]. Moscow: Mir Publ., 1966. 352 pp. (In Russian)

Nakajima, T. "Unification of Epistemic and Ontic Concepts of Information, Probability, and Entropy, Using Cognizers-System Model", *Entropy*, 2019, vol. 21 (2), pp. 1–26.

Petrov, M.A., Rajbekas, A.Ya. *Fenomen informacii i znanie* [Phenomenon of Information and Knowledge]. Krasnoyarsk: KSU Publ., 2006. 135 pp. (In Russian)

Reichenbach, H. *The Rise of Scientific Philosophy*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1968. 333 pp.

Sedyakin, V.P. "Informatsionnye teorii" [Information Theories], *Vestnik MFYuA* [Herald of the Moscow University of Finances and Law], 2016, no. 3, pp. 150–155. (In Russian)

Sequoiah-Grayson, S. "The Metaphilosophy of Information", *Minds & Machines*, 2007, vol. 17, pp. 331–344.

Szaniawski, K. *On Science, Inference, Information and Decision-Making*. Dordrecht: Springer Science + Business Media, B.V., 1998. 256 pp.

Suppes, P. "Probability and Information", *The Behavioral and Brain Sciences*, 1983, vol. 6, no. 1, pp. 81–82.

Tarasenko, F.P. *Vvedenie v kurs teorii informatsii* [Introduction to the Course of the Information Theory]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1963. 240 pp. (In Russian)

Ursul, A.D. *Otrazhenie i informaciya* [Reflection and Information]. Moscow: Mysl Publ., 1973. 231 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612 pp. (In Russian)